

Сяо Шанли осторожно произнес:

— Ваш сын молод и неопытен, не смеет больше перед Вашим Величеством и всеми сановниками безрассудно высказывать свои суждения.

Только тогда император Чу позволил ему подняться. Впервые присутствуя на совещании, он к концу обсуждения почувствовал, что ладони его покрылись холодным потом. После завершения заседания старого Гао Э, поддерживаемого евнухом, вывели из зала. Сяо Шанли тихо стоял снаружи, а Гао Э с улыбкой произнес:

— Ваше Высочество, князь Цзинчэн, вы слишком скромны. Вы называете себя молодым и неопытным, но я, старый слуга, вижу, что вы весьма хладнокровны.

Сяо Шанли ответил:

— С такими мудрыми и опытными сановниками, как вы, я действительно молод и неопытен. Если бы только мог постоянно слушать ваши наставления.

На следующий день Сяо Шанли отправился в Двор Весенних Ароматов, не скрывая от Гу Хуань своих впечатлений о заседании.

— Как и предполагала сестра, таковы наши сановники, таково наше правительство.

Гу Хуань, играя с ним в шахматы, взяла белую фигуру и с улыбкой спросила:

— Маленький девятый, на что ты сердишься?

Сяо Шанли сделал ход, на его лице не было ни гнева, ни румянца.

— В огромном зале заседаний все только и делают, что поддерживают своих и нападают на чужих. За два часа обсуждения никто не произнес ни слова в защиту пострадавших. Сестра, даже так называемые честные чиновники ведут себя так, как же мне не сердиться, видя, как тяжело живет народу.

Вдруг Гу Хуань увидела в нем другого человека, который сжимал ее руку и говорил: «Хуань, я скорблю о страданиях народа...» Она внезапно очнулась и снова улыбнулась:

— Прорыв дамбы произошел из-за того, что средства на ремонт реки были разворованы. Ваше Величество ненавидит коррупционеров, за крупные взятки их казнят, подвергая мучительной смерти. Почему же коррупционеров становится все больше?

Сяо Шанли, казалось, догадался:

— Сестра?

Гу Хуань подняла свои ясные глаза, сделала еще один ход, сделав ситуацию на доске еще более

ясной.

— Почему на заседании никто не упомянул пострадавших? Даже для вида? Так называемые злоумышленники — о них и говорить нечего, честные чиновники любят свою репутацию, но почему они боятся говорить? Потому что они больше заботятся о себе. Если говорить о пострадавших, нужно чинить дамбу, а сейчас уже май, нужно успеть посадить новые ростки, заимствовать семена риса из других областей, а государство должно выдавать продовольствие для помощи пострадавшим как минимум два месяца. Чиновники области Чжэчжоу, осмелившиеся разворовать средства на ремонт реки, вероятно, оставили казну пустой. Если потребуются дополнительные средства, их придется брать из государственной казны, а откуда сейчас взять десятки тысяч золотых?

Сяо Шанли резко встал, его лицо впервые изменилось:

— Сестра, будьте осторожны!

Гу Хуань глубоко вздохнула и тихо, глядя на шахматную доску, сказала:

— Годовые налоги в стране исчисляются миллионами, сколько же можно украсть? Сколько тратится на дворец? Ваше Величество, мудрый и проницательный, видит все на тысячи ли, почему же коррупционеров не искоренить? Подражание сверху, как же их можно искоренить? Использовать коррупционеров для сбора богатств, а когда народ возмутится, от них избавиться, казнить их... Великие коррупционеры Чу...

Она не договорила, но мысль была ясна: они на троне, в статусе императора.

Сяо Шанли встал, словно не мог устоять на ногах, и снова сел. Его мысли были в смятении, он уже оказался втянут в эту игру, но политическая игра была еще более запутанной, чем шахматная доска. Он никогда не думал, что это настоящие воры государства.

Спустя две ночи он снова увидел Лэ Юя во сне. В начале сна он все еще был озабочен государственными делами, но подул восточный ветер, и лепестки персикового цветка упали на его руки. Сяо Шанли с удивлением посмотрел вокруг и оказался на Террасе Феникса, где когда-то выбирали жениха. Розовые цветы персика покрывали все, как облака, вокруг было тихо и безлюдно. Он был один, и эта картина затмила даже великолепие Террасы Феникса.

Вдруг кто-то сказал:

— Если бы на Террасе Феникса выбирали тебя, кого бы ты выбрал?

Сяо Шанли открыл рот:

— Я бы выбрал... тебя.

Чьи-то руки обняли его сзади, Лэ Юй сел на землю, а Сяо Шанли оказался у него на коленях. Груз с плеч свалился, но в сердце возникла боль. Лэ Юй погладил его полуоткрытые губы.

— О чем ты думаешь?

— Раньше я не знал, что борьба за трон — это не борьба с братьями, а... с самого начала борьба с отцом.

Его глаза потускнели, он схватился за одежду Лэ Юя. Взгляд Лэ Юя мелькнул:

— Теперь ты знаешь, еще не поздно отступить.

Он обнял его, но Сяо Шанли вырвался.

Сяо Шанли с грустью пробормотал:

— Мое детское имя — «Маленький леопард», кот — «Леопардовый слуга», а старшего брата звали «Юту», Юту — это тигр. Надежды матери на меня были таковы. Сыновья императора все могут мечтать о троне, только я не могу. Почему? Чем я хуже?

Неожиданно его охватила печаль, и слезы потекли ручьем.

Лэ Юй вздрогнул, наклонился и поцеловал слезы на его ресницах. Лицо Сяо Шанли было печальным и прекрасным, он закрыл глаза.

— Даже если придется бороться с отцом, я буду бороться. От принца до наследного принца, от наследного принца до трона. Раньше я делал это из гордости, теперь я боюсь. Я боюсь, что император считает народ сорняком, я боюсь, что не смогу спасти страдающих людей. Ты понимаешь?

Он резко открыл глаза, в них была и нежность, и решимость, слезы блестели.

— Ты сможешь мне?

Сердце Лэ Юя стало тяжелым, как железо.

— Помочь тебе, отдав Остров Пэнлай?

Сяо Шанли опустил голову, его попытка притвориться глупым и жалким не сработала.

— Значит, на этом все?

Он встал и хотел уйти, но Лэ Юй схватил его за руку, потянул, и он, потеряв равновесие, упал в его объятия. Его положили на спину, и хотя это был сон, на Террасе Феникса, при свете дня, с него сняли пояс, вскоре одежда была в беспорядке, слезы высохли, щеки порозовели, и одно плечо обнажилось, выражая обиду и стыд.

Лицо Сяо Шанли было в смятении, было ли это сном или реальностью, он только слышал, как Лэ Юй говорил:

— Оставь государственные дела, не спрашивай о мире, не упусти этот прекрасный вечер.

Сяо Шанли крепко схватил его за плечи, его тело было охвачено лаской, он тихо стонал.

— Ты, назови меня...

Не дожидаясь, пока Лэ Юй назовет его, он излился в его ладони.

Позже он лежал, полностью обнаженный, под Лэ Юем, который двигался в нем, большой палец Лэ Юя нежно поглаживал его висок, низкий голос звал его, и когда Сяо Шанли излился, Лэ Юй тихо застонал, а его задний проход все еще не отпускал его член. Хотя это он вошел в Лэ Юя, его рука была прижата, задний проход то сжимался, то разжимался, ожидая, пока он снова станет твердым, и в его ухо шептали непристойные слова. Проснувшись, он обнаружил следы слез на подушке, тихо сидел на кровати, вспоминая, как ворочался во сне, тепло постепенно уходило.

— Пойдите в Дзен-храм Золотого Леса, пригласите мастера Шаньжэня.

Когда Шаньжэнь прибыл, он увидел князя Цзинчэна в парадной одежде и невольно преклонил колени. Сяо Шанли, видя его покорность, сказал:

— Мастер, вы говорили, что тех, кто впал в демонический путь, нужно лишить силы и заточить у гроссмейстера?

Шаньжэнь тихо ответил:

— Младшие гроссмейстеры, впавшие в безумие, часто вызывают большие бедствия, как, например, Юань Минцзин, которого окружили и убили десять младших гроссмейстеров. Я знаю, что хозяин Острова Пэнлай спас жизнь Вашему Высочеству, но у него уже есть признаки впадения в демонический путь, скоро его характер изменится, он станет более жестоким, прошу Ваше Высочество проявить твердость, ради общего блага.

Сяо Шанли подумал, что было бы лучше, если бы он потерял свою силу, и равнодушно сказал:

— Мир и государство не могут быть объединены, он не хочет привести Остров Пэнлай к подчинению, это преступление, какая разница, буду ли я жесток или нет. Мастер, планируйте, как считаете нужным, если этот человек будет лишен силы, я пожалуйю ему титул, чтобы он покинул мир и не был заточен.

По традиции всех государств, назначение на пост канцлера сопровождается пожалованием титула маркиза. Чтобы избежать пожалования титула, в Южной Чу пост канцлера оставался вакантным сто лет, его функции выполняли левый и правый министры. Сяо Шанли намекал, что хочет пожаловать этому человеку титул маркиза. Шаньжэнь слегка дрогнул веками.

— Будда милосерден, Ваше Высочество милосердны.

С другой стороны, в здании Гильдии морской торговли Лэ Юй снова излился во сне, помня, как белые бедра Сяо Шанли обнажились, касаясь земли, как он входил в него, а затем был сжат и не мог двигаться, уголки его глаз покраснели. Он откинул шелковое одеяло, уже понимая странность этого сна, Сяо Шанли был не просто сном, а как будто реальным человеком, вошедшим в его сон. Он нашел Инь Усяо, чтобы спросить о болезни души, они болтали полчаса, но он так и не задал вопрос, только сказал:

— Маленький леопард...

Инь Усяо вздрогнул, улыбнулся.

— Что ты сказал? Эй, разве госпожа Не не пришла, где она?

Лэ Юй не мог сказать ему, что она ушла провожать Гу Саня.

На пристани за городом, на торговом корабле Павильона Весеннего Дождя, курился благовониями, Не Фэйлуань нежными руками подняла длинную шкатулку.

— Старший брат послал меня передать это Третьему молодому господину Гу.

Тэнъи спросила:

— Старший брат?

Гу Сань удивился, хлопнул в ладоши и засмеялся.

— Он усыновил тебя? Этот человек, действительно...

Он посмотрел на шкатулку, тихо покачал головой.

— Но ко мне он так жесток.

Если бы это был подарок, это означало бы, что он не согласен с просьбой «не ненавидеть меня в будущем». Не Фэйлуань с улыбкой сказала:

— Это не подарок. Старший брат сказал, что много лет был должен вам каллиграфию, после встречи с вами его вдохновение пришло, и он спешил вернуть долг.

<http://bllate.org/book/15272/1348096>